

Александр Ливенцев

БАЙКИ СТАРОГО ФЭНДОМА

ПОД ЗНАКОМ
КОЗЛОБАРАНА

16+

Александр Владиславович Ливенцев

Байки старого фэндома

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39423613

SelfPub; 2018

Аннотация

Невыдуманные истории о писателях и читателях. Веселые рассказы о жизни фэндома – писателей, читателей и просто любителей фантастики. Вторая книга – "Под знаком Козлобарана" – это рассказ о времени и забавных случаях из жизни автора, который пришёл в этот мир в 1959 году. Уйти хотел бы как можно позже. Он, автор, с детства любил фантастику и праздники. Наверное, поэтому был членом Всесоюзного совета КЛФ и окончил институт по специальности "театральная режиссура". Если основной реакцией читателя этой книги будет улыбка – значит, цель достигнута. Раздел "В рифму" – проба пера в стихотворном жанре, в основном иронического плана.

Александр Ливенцев

БАЙКИ СТАРОГО ФЭНДОМА

(невыдуманные истории о писателях и читателях)

Для оформления обложки использованы изображения со следующих интернет-ресурсов:

зеленая бутылка – <http://u-f.ru/news/science/u24/2017/03/17/239165>

космонавт – <https://weheartit.com/entry/131142762>

инопланетяне – http://m.ildotm.mypage.ru/vidi_bloggerov_1.html

овен – <https://heclub.ru/kak-vyglyadyat-znaki-zodiaka-i-sootvetstvuyushhie-sozvezdiya-na-nebe-foto-zvezdnaya-karta-znakov-zodiaka>

рюмка водки – <https://www.liveinternet.ru/users/5656638/post383394004/>

перо – <https://pngimage.net/quill-png-4/>

космос – <https://wallpaperstudio10.com/wallpaper-category-space.html>

КРАТКИЙ ФАНТСЛОВАРЬ

Фантастика – область литературы о неизведанном, небывалом, сверхъестественном. Сказки, легенды, научная фантастика, фэнтези (сказочная героическая фантастика) и другие направления литературного творчества, повествующие о том, чего не бывает в реальной жизни.

КЛФ – клуб любителей фантастики, объединение по интересам.

Фэн – человек, который любит фантастику. Фэн может быть членом КЛФ или просто любить фантастику как свободная личность, не состоящая ни в каких государственных или общественных организациях.

Фэндом – сообщество фэнов, как организованное в различные объединения, так и включающее в себя свободную массу истинных любителей фантастики. Географических границ в пределах (и за пределами) Вселенной не имеет.

Кон (конвент) – организованная встреча (семинар, фестиваль) фэнов и писателей-фантастов. Как правило, с определённой программой, которая заранее доводится до сведения всех участников.

«Аэлита» – первый и самый массовый ежегодный Всесоюзный (Всероссийский) праздник (конвент) фантастики. Проводится с 1981 года в Свердловске (Екатеринбурге). Организован по инициативе журнала «Уральский следопыт» и лично зав. отделом фантастики этого издания Виталия Ивановича Бугрова.

«Новокон» – конвент в пос. Новомихайловский Туапсинского района Краснодарского края. Проходил с 1987 по 1993 год.

ВС КЛФ – Всесоюзный Совет клубов любителей фантастики.

«Молодая гвардия» – Издательство ЦК ВЛКСМ (Центральный Комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи), призванное издавать в том числе и фантастику. Почти узурпировало это право на территории СССР, особенно в плане издания молодых авторов.

ВТО МФФ (Всесоюзное Творческое Объединение Молодых Писателей Фантастов) – объединение молодых фантастов при издательстве «Молодая гвардия», многие из которых были не совсем молодыми и не всегда талантливыми.

ЧАСТО УПОМИНАЕМЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Аркадий Натанович Стругацкий – в особом представлении не нуждается. Кроме писательской деятельности, был председателем ВС КЛФ.

Борис Завгородний – общепризнанный фэн № 1, самый знаменитый член советского (российского) фэндома. Председатель КЛФ «Ветер времени», г. Волгоград.

Михаил Якубовский – зам. председателя ВС КЛФ, председатель КЛФ «Притяжение», г. Ростов-на-Дону, организатор конвентов «Донкон».

Николай Блохин – писатель, член КЛФ «Притяжение», г. Ростов-на-Дону.

Владимир Гопман – один из ведущих литературных критиков в области фантастики, публицист и общественный деятель, активный член фэндома.

Александр Сидорович – председатель КЛФ «МИФ-XX», г. Ленинград (Санкт-Петербург), организатор конвентов «Интерпресскон», книгоиздатель.

От автора

СТАРАЯ ПЕСНЯ СТАРОГО ФЭНДОМА

Слова А. Лысенко и М. Якубовского, 1987 г.

Музыка братьев Покрасс, 1935 г. («По военной дороге шёл в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год...»)

От родимого дома,

От Амура и Дона

Мы сюда прилетели не зря.

Что там Ялта и Сочи –
Нам понравилось очень
Собираться в Свердловске, друзья!

Нам в копеечку стало
Долететь до Урала,
Но несём мы с достоинством крест.
И готовы на воле
Ночевать в чистом поле,
Коль не хватит в гостинице мест.

Очень здорово снова
Побывать у Бугрова,
«Следопыту» поклон передать.
Пусть с годами желтеют
Наши фото в музее –
"Аэлита" всегда молода!

Председатели клубов,
Только медные трубы
Мы, пожалуй, ещё не прошли.
Наше дело простое –
Через годы застоя
Мы фантастики клубы вели.

Нам грозят злые кары,

*Нам громят семинары,
Но мы твёрдо стоим на своём —
Все мы разные люди,
Но фантастику любим
И в обиду свой клуб не даём.*

Как песенка, читатель? Уже по тексту можно понять, каким был тот, старый фэндом. Сейчас он другой. Не хуже, не лучше, просто другой. Конвенты стали не столько тусовкой исповедующих праведные идеалы фантастики фэнов, сколько встречами писателей и издателей, а также профессиональных и полупрофессиональных читателей, которые очень хотят быть писателями и издателями. Масса народу собирается, нередко тысячи, вот в Польше, скажем, до 20 000. Очень полезные и нужные встречи, кто бы спорил...

Мы в своё время о полезности как-то не задумывались, да и «массой» читателей того времени, особенно собравшихся в КЛФ, назвать было трудно. Скорее единство многих индивидуальностей. Однажды запал в душу рассказ или роман, потрясла выдумка, увлёк сюжет — и всё, пропал казак! Фэн родился. Теперь будет добывать новые книги и начинать читать ещё на улице, натываясь на встречных. Потом захочет обсудить, одобрить или предать анафеме прочитанное. А то и поразмышлять с друзьями о судьбе человечества, Солнечной системы, или бери круче — нам и Вселенная по зубам! Мы узнавали единомышленников по одной фразе или цита-

те. Этого было достаточно для понимания, резонанса, унисона, нахождения на одной волне – называйте как хотите. Но и пепел многих произведений любимого жанра стучал в наши сердца. А в пепел тогда была превращена не одна сотня рукописей в угоду идеологии, конъюнктуре, литературной жвачке и серости. Это тоже объединяло.

КЛФ стали свободной территорией свободных людей и свободных мыслей. Это была своего рода фронда, вольный читательский отряд. Нет, на баррикадах мы не погибали, хотя как сказать. Многим и очень многим крепко досталось. Не могла власть спокойно терпеть островки незалитованных текстов и неутверждённых мнений. Давили и запрещали. Но не это главное. Главное – мы победили. Фантастика выиграла, оппортунисты и старорежимные деятели ушли в небытие. Лучшие остались. В веках, в книгах, в умах. Этот небольшой цикл рассказов о том, как мы любили фантастику. Как мы за неё в огонь и воду. Как сражались, смеялись, жили, любили, пели и пили. Как мы дружили. Как мы были молоды. Все истории – правда жизни. Прошло много лет, память странная штука. Иногда она что-то опускает, а иногда дорисовывает штрихи, которых не было, но очень бы хотелось. Так что если в чём будут неточности, прошу участников тех давних славных событий меня поправить. Бейте в хвост и в гриву, друзья фантастической юности – покаюсь, исправлюсь, напишу опровержение.

У старого фэндома был дежурный тост: «За неё!». За уда-

чу, вернее, не только за удачу. Ну, конечно, «За фантастику!». Тост вспомнился не зря. Алкоголь, к счастью или к сожалению (кому как), был неизменной составляющей всех наших конвентов. Может, поэтому почти все истории такие весёлые. Но зелёный змей не главенствовал. Важнее всего была она – фантастика. Ну, за неё!

P.S. Михаилу Якубовскому огромная благодарность за помощь в работе над книгой. Одна голова хорошо, а две памяти лучше. Вернее, даже три. Память Николая Блохина тоже присутствует. Спасибо, друзья!

ПОД ДЕРЕВОМ РАЗВЕСИСТЫМ ЗАДУМЧИВ ОН ЛЕЖАЛ

Под широкими хвойными ветками, чуть сбоку от асфальтовой тропы, ведущей в гору к лагерю, где проживали участники «Новокона-92», сладко спал гордость питерского фэндома Саша Сидорович, в просторечье Сидор. Безмятежным было его чело, румяны ланиты, выдыхаемые алкогольные пары лёгкой туманностью таяли в свежем ночном воздухе. Судя по счастливой улыбке, Сидору снились хорошие сны. Возможно, эротические – он слегка постанывал. Может, даже с приятными извращениями – не просто голые бабы, а, к примеру, расстрел обнажённых редакторов ненавистной «Молодой гвардии». Эти губители отечественной фантастики в од-

ном исподнем (или без оно́го) молили о пощаде, а командовал расстрельной командой он, Сидор, лично. Трудно представить себе что-то более приятное в те далёкие годы для любого деятеля фантастического движения. Может, и что другое снилось, утверждать трудно, но сон был крепким и сладким, как у заслуженного деревенского пожарника, давно покрывшего свой каменный дом железом. Хорошо Саша спал. Никого не трогал и даже не починал примус. Ну не дошёл от моря до верхнего лагеря «Альпинист», бывает. Одно название чего стоит, по трезвому не сразу поднимаешься, а уж после литра выпитой... Впрочем, литр – весьма либеральная оценка.

Тропа к морю и ночью местом была достаточно оживлённым, пара сотен участников конвента спала урывками в любое совершенно непрогнозируемое время суток. Уже в первые минуты после приземления Сашу заметили бредущие кто вверх кто вниз товарищи-доброхоты. Нет, не взяли под белы ручки-ножки, не понесли в тёплую предпохмельную койку. Фэнов хлебом не корми, дай подискутировать. Упустить такой случай было никак невозможно. Через час во круг несчастного (или счастливого?) Сидора собралось не менее полусотни фантастических особей с разной степенью разумности в зависимости от количества принятого. Почти благородное собрание разделилось на два яростно жестикулирующих лагеря. Одни призывали проявить милосердие и отнести товарища поживать в постель. Особо упирая на то,

что многие «альпинисты» имели обыкновение отходить в сторону от тропы по вполне естественному поводу, а Саша в сумерках мало заметен и его могли оскорбить действием, пусть даже без злого умысла. Другие с не меньшим упорством доказывали, что он, Сидор, свободная личность и имеет полное право спать, где пожелает. Хочет под ёлкой? Пусть под ёлкой! И нарушить это священное право означает посягнуть на его, Сидора, демократическое волеизъявление. Свободный человек спит в свободной стране под свободной ёлкой. И не трогайте Сашку своими ложно-сердобольными лапами. Атмосфера накалялась. Веки Сидора недовольно затрепетали. В его сладостный сон врывалась посконная действительность. Вокруг шумели хвойные ветви и набирающий обороты диспут: «Под ёлкой – как можно...», «Пусть и под ёлкой, хрен с ним, тепло...», «А ты под ёлкой спал...», «Да я с детства под ёлками...», «Тебе под дубом надо, ёлки-палки» и прочая ёлочная словесная шелуха. И тут свершилось чудо. Нет, не было нечисти, поднимающей Сидору веки. Он, собственно, их и не поднимал. Тем более явственно, неожиданно и громоподобно прозвучал его потревоженный голос над беснующейся толпой. И изрек этот глас истину непреложную: «Какого ...! Это тья!!!». И в рифму было это изречение. И вновь впал Саша в сладкое сонное небытие, утомлённый пророчеством. Потрясённая столь просветлённым обращением и познаниями в хвойных породах деревьев толпа замолкла. Продолжать дискуссию было бы святотат-

ством. Лучше все равно не скажешь. Несколько гуманистов смотались в лагерь и, вернувшись, повесили на хвойные лапы импровизированную табличку: «Сидор под туей. Не беспокоить. Сталкерам и прочим сыкунам с тропы не сходить». С тех пор не раз приходилось слышать коронный аргумент фэнских споров по любому поводу: «Какого ...! Это туя!». Жизнь все же частенько подкидывает экспромты, которые живут дольше цветистых перлов, рождённых в творческих муках.

SIC TRANSIT GLORIA MUNDI

Так проходит земная слава (лат.)

Шла Саша по шоссе и сосала сушку... Эта абстрактная и труднопроизносимая Саша всем известна. А вот если два Саши шли по шоссе и очень хотели пива – то уже легче. Легче в плане произношения, без пива в определённых случаях, особенно с утра, ещё тяжело. Да и шоссе не то чтобы магистральное, но дорога приличная, асфальтовая, ведущая вниз от лагеря «Альпинист» к морю, где на берегу находилась вождённая пивная точка. Итак, шли мы с Сашей Силецким (он же Шушуня Майский) вниз по дороге, предвкушая приятную тяжесть полной кружки в руке и не менее приятные ощущения вкусовых рецепторов и всего организма в целом. На полпути к счастью догнали двух спотыкающихся на

каблучках дам – скорее всего, маму с дочкой. Несчастные тоже спешили вниз – судя по чемоданам, к автобусной остановке. Всё когда-нибудь заканчивается, морской отдых тоже. Как с чемоданов начинается, так ими и заканчивается. Во всяком случае, у женщин точно, мужик может поехать на море с плавками в кармане и бутылкой в руке. Почему несчастные? Нет, не потому, что отдых закончился, хотя тоже приятного мало. Чемоданы были ещё те. Советская промышленность в конце 80-х уже освоила гигантоманию в чемоданном деле – на любой вкус и размер. Но колесики для ближайшего обозримого будущего тогда ещё оставались фантастикой. Два джентльмена не могли пройти мимо – поднатужившись, мы галантно подхватили тяжкую ношу и поволокли вниз. Про себя чертыхнувшись – не нужно объяснять, какого веса могут быть женские чемоданы для полноценного морского отдыха. Однако Саши парни были не хилые – один под центнер, другой поболее. Ну и никак нельзя ударить в грязь лицом и силушкой молодецкой даже в похмельное утро. Не подумайте плохого, вполне мы были культурны, умыты и причёсаны. Горели не только трубы, но и глаза. Разве что дышать старались в сторону, дамы вряд ли могли оценить всю прелесть утреннего коктейля из зубной пасты «Поморин» и местной виноградной водки.

Саши неплохо справились, тряхнув молодостью и желанием быстрее дойти до цели. Поставив чемоданчики на остановку, вежливо попрощались с попутчицами. И надо же мне

было напоследок сообщить, кивнув на Шушуню:

– И обязательно расскажите дома, девушки, что чемоданы вам помогал нести сам писатель Силецкий!

Мама ещё ничего. Вежливо улыбнулась, чуть кивнула. Силецкий и Силецкий. Приятно, конечно, когда писатели тебе чемоданы носят. Хотя, конечно, лучше бы артисты, Тихонов или на худой конец Броневой, читалось в выразительном мамином взгляде. Но что стало с дочкой, приятной почти во всех отношениях девицей лет двадцати!

– Ой, ай... не может быть... Что вы, правда? Я думала, вы старше... (Шушуня зарделся и втянул щёки и живот). Вы даже не представляете, как я зачитываюсь вашими произведениями. Мама, дай ручку, не откажите автограф...

Саша, конечно, печатался еще с 60-х, но к такому мгновенному преклонению на улице не привык. С удовольствием что-то черкнул на каком-то листочке, обещал и дальше радовать читателей, куда-то приглашал преданную поклонницу: мол, будете у нас на семинаре в Малеевке, милости просим...

Уже, раскланявшись, уходили. Почти повернулись на 180 градусов. Кой чёрт дёрнул девицу бросить вслед:

– Да, чуть не забыла – больше всего у вас мне нравится «Трудно быть богом»! Пожалуйста, напишите продолжение!

Саша принял удар стоически. Что-то хотел сказать, но поперхнулся. Трубы-то не железные. Нервы тоже. Я быстро подхватил его под белы ручки, сообщил, что всенепременно

напишет и постарается учесть все пожелания. Саша утвердительно мычал и даже помахал дамам на прощание, уже прослезившись от подступающего хохотунчика. Которому мы дали полную волю (трубы, першит!), только добравшись до живительной влаги. Набегающая на берег морская пена приятно гармонировала с пеной, стекающей с полных кружек.

– *Sic transit gloria mundi*, – отсмеявшись и задумчиво вглядываясь в бескрайний горизонт, сказал писатель Силецкий.

– *Ita vero* (ага), – поддакнул я, отдавая дань второй кружке. – *In pivo veritas...*

Вот скажите, Силецкий или Стругацкий, так ли уж важно в данном случае? И девушка счастлива. Пиво было холодным и вкусным. Это главное.

ВРАЧ ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

Москва, лето 1980-го. Александр Силецкий закончил рассказ, поставил жирную точку. Подписался любимым псевдонимом Шушуня Майский. С удовольствием крутанул вал пишущей машинки, вытащил последний лист. Это дело надо отметить. Ну и закусь нужна соответствующая. В сладостном предвкушении скорого распития спиртных напитков, весело напевая, сварил борщ. Пахучий, наваристый, с мясной косточкой. Очистил чеснок и крепко натёр им крупный ломоть бородинского. Стол накрыл в комнате, рюмочку поставил, бутылку взял из холодильника. Аж запотела, родимая.

Огурчики-помидорчики на блюдечке с каёмочкой лучком, слезу источающим, пересыпаны. Приготовил подставку под горячую кастрюлю, желая водрузить главное блюдо в центр праздничного стола. Побежал на кухню и, вцепившись в ручки пятилитровой ёмкости, поволок свежесваренный борщ к месту торжества. Почему так много сварил? Глупый вопрос. А вы борщ на раз, что ли, варите? Почему тарелочку не налил и не понёс культурно в трапезную? Тоже голому ежу понятно – к чему постоянно бегать на кухню? После третьей, пятой и седьмой, дальше как получится. На этом счастливое повествование заканчивается, уступая место трагическим событиям. Увы, такова жизнь, в один миг всё может кардинально измениться.

Что заставило Сашу поскользнуться, он не помнит, очень спешил. Пока не остыло. Помнит только первый шок от жгучей боли в нижней половине могучего тела и взлетающий из кастрюли половник, который весьма ощутимо приземлился на костяшку левой ступни. Нетрудно представить, каков ожог от пяти литров опрокинутого на себя практически кипящего борща. Вернее, тем, кто не испытывал, представить трудно. Учтите, что лето на дворе, тепло. В трусах валял нетленку и варил борщ писатель Силецкий. Хорошо ещё, в широких семейных труселях, стрингов тогда в помине не было. Всё равно коротка кольчужка... Саша взвыл и кинулся в ванную под холодный душ. Стало чуть легче, и он решился на отважную вылазку за телефоном. Слава богу, тот был на

длинном шнуре, до ванной хватило. Под струями холодного водопада вызвал скорую. Скорая приехала минут через сорок. Шипя от боли, страдалец в костюме Адама быстро открыл дверь и на бегу пригласил спасителя в белом халате в ванную, благо тот оказался мужиком.

– Что делать, доктор? Помогите! – вопил несчастный.

– А хрен его знает, что делать, – задумчиво молвил эскулап. – Я гинеколог. Все на Олимпиаде.

Саша и до этого крепкого словца не чурался. А тут целитель женских недугов впервые познал всю многогранность великого и могучего русского матерного. Ну а чем доктор-то виноват? Здравое рассуждая, на Олимпиаде ему действительно делать нечего, в отличие от травматологов и прочих хирургов-терапевтов. Жертве борща, впрочем, от этого было не легче. Вколлов лошадиную дозу обезболивающего, облачённого в свободный халат на голое тело пациента отвезли в больницу, где оставшиеся на страже коновалы обмазали Шушуню Майского целебным составом и заботливо укутали мягкими бинтами.

Помните слезу улетающего ввысь олимпийского мишки? Теперь она чуть ли не символ московской Олимпиады-80. А у кого-то другие ассоциации, не менее слёзные.

– Это было на Олимпиаде, когда ко мне приехал гинеколог, – говорит с тех пор Саша за рюмочкой, завлекательно начиная рассказ об этой казусной истории.

Уважаемое руководство здравоохранения, а может, даёшь

гинекологов на Олимпиаду и другие менее великие спортивные события? Заодно и акушеров. Вдруг рекорды легче родятся под бдительным присмотром специалистов...

НА ДЕРЕВНЮ БОРИСУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

«На деревню дедушке Константину Макарычу» – кто не знает этого классического символа безадресности. Но как бы удивился Чехов, узнав, что и не такое возможно. В досто-славные советские годы некоторые письма из-за бугра, адре-сованные фэну № 1 Боре Завгороднему из Волгограда, при-ходили с контактными данными, в сравнении с которыми деревня Ваньки Жукова покажется образцом географиче-ской точности. «СССР. Борису Александровичу». Всё. Боль-ше никакой конкретики. И ведь доходили послания! Вскры-тые КГБ, проверенные на предмет идеологической дивер-сии, с помарками и купюрами (не денежными, цензурными), но доходили! Так что если Константин Макарыч числился в жандармском управлении неблагонадёжным по политиче-ской части, вполне могло и Ваньки Жукова письмецо дойти. Такие вот почтовые коллизии, Антон Павлович...

БАНТИК

Гопман шёл по коридору. Пожалуйста, никаких ассоциа-ций. Просто совпадение со знаменитой фразой из гениаль-

ного сериала. И не менее гениальный литературный критик Владимир Львович Гопман шествовал по коридору ничем не хуже Штирлица. И коридоры свердловской гостиницы «Большой Урал» (ей довелось принимать не одну «Аэли-ту») были тоже ничем не хуже коридора, по которому Штир-лиц шел к Мюллеру. К кому именно шёл в этот момент Вла-димир Львович, история умалчивает, но точно не к Мюлле-ру. Фантаста или активного члена фэндома с такой фамили-ей на «Аэлите» не было. Может, к друзьям Володя шёл или в кабак – неведомо. С товарищем вместе шёл, так что эта ис-тория имеет вполне достоверные свидетельские показания.

Времечко было не особо раннее – близилась полночь. Хотя для фантастического конвента самое начало рабочего дня, простите, рабочей ночи. И появление в коридоре ши-карного розового банта, гораздо большего, чем голова его обладательницы, Владимира Львовича насторожило. Бант появился вроде как ниоткуда и топал впереди. Владелице банта было от силы лет 9-10, не более. И куда шла девочка, также осталось неизвестным, но явно тоже не к Мюллеру. Может, в родительский номер шла с какой-то поздней репе-тиции торжественного детского праздника. Гордо шла. Неза-висимо. Гопман не выдержал.

– Девочка, куда это ты так поздно? И откуда у тебя такой большой красивый бант?

Худенький Владимир Львович не особо был похож на вол-ка из «Красной шапочки», хотя текст примерно соответство-

вал. И надо знать Гопмана, его саркастические интонации. Тоже далеко не волчий рык. На девочку, впрочем, сладкая ехидная велеречивость никак не подействовала, шаг не замедлился, бант к Володе передом, к концу коридора задом не повернулся. Обманутый в лучших намерениях Гопман занервничал. Заботливость ведь проявил – маленькая девочка, поздний час, полутёмная гостиница... Бантик похвалил на радость ребенку. Ребенок, однако, радости никак не показывал и продолжал молча шагать в избранном направлении. Надо сказать, что Владимир Львович в силу преподавательской деятельности больше привык общаться со студентами. А тут по неопытности в педагогической работе с детьми младшего школьного возраста засуетился мелким бесом. Игнорируют ведь кандидата филологических наук, не вступают в конструктивный диалог.

– Девочка, а девочка! Ты куда так поздно идёшь? Где родители? Почему старшим не отвечаешь? И сообщи нам, в конце концов, откуда у тебя такой красивый бант? Ну очень шикарный у тебя, девочка, бантик...

Возможно, очередная похвала бантику казалась ему удачным приёмом. Девочке, впрочем, так не показалось. И при повторной грозно-сюсюкающей тираде она, не поворачиваясь, выдала. Выдала, надо сказать, весьма коротко и предельно ясно. Звонкий детский голос отразился от мощных гостиничных стен и эхом растаял в глубине коридора.

– Дядя! А не пошёл бы ты ...!

Адрес был тот самый, наиболее известный, незамысловатый. Девочка спокойно скрылась за поворотом. Больше никогда Вова её не видел. Он не догонял, не пытался оправдаться, спросить: «За что? Как ты могла, дитя?!!». Тем более не пытался ответить. Застыл. Окаменел. Чисто памятник Детскому фонду. Изваяние с обиженно подрагивающими поникшими усиками. Этот вроде рядовой случай не стоил бы даже упоминания – ну послали и послали, кого только в России туда не посылали. Нет такого человека, особенно в среде творческой интеллигенции. Но, знаете, контраст возраста и ненормативной лексики, обстановка... И бантик! Бантик! Этот огромный бант никак не вязался с таким финалом. Может, девочка просто была грубой. А может, она поступила как учили, приняв заигрывавшего дядю за педофила. Хотя вряд ли ее учили именно такому способу отшить нехорошего дядю. Способ, однако, действенный. Просьба не воспринимать как инструкцию для юного поколения. Которое, правда, сегодня ещё не то выдать может.

Большое впечатление это произвело на Гопмана. Тем вечером он даже рюмочку поднимал как-то испуганно и шутить не пытался, что на него совсем не похоже. Стресс ещё тот. С тех пор Владимир Львович не любил бантов. Особенно больших розовых. Да и маленькие бантики других цветов тоже не очень уважал. Была причина. Студентки, впрочем, быстро это дело раскусили. Даже поясок бантиком не завязывали на экзаменах. Такая вот история с обычным женским

аксессуары...

БОЛЬШОЙ ФАНТан

Если увидишь ФАНТан – не затыкай. Пусть ФАНТанирует.

(Козьма Прутков-фантаст)

Не нужно много говорить за Одесу. С одним «с» это не ошибка. Так говорит всё коренное население, и если из уважения к нему так и писать, ничего страшного. Это вам не пишется Манчестер, а произносится Ливерпуль. Отдохнуть могут любые закордонные города от потуг на юмор сродни одесскому (переходим на академическое правописание). Одесса сама за себя скажет. Несколько зарисовок с одного из древних фантастических конвентов 1988 года. Поскольку проходил кон в районе Большой Фонтан, естественным названием мероприятия стало «Большой ФАНТан». Фонтан, тем более в Одессе, тоже может быть фантастическим.

Театр начинается с вешалки, а одесский кон прямо от выхода из аэропорта, где мирно беседовали два таксиста. Назовём их образно, например, Изя и Яша. Их железные кони стояли рядом и даже не пыхтели. Водилы настолько были увлечены разговором, что как будто и не слышали прямого вопроса:

– Добрый день! Сколько до Большого Фонтана?

Не обращая на меня внимания, извозчики продолжали трёп. Правда, посреди неспешных фраз проскочило следующее:

– Изя, ты слышал? Оно хочет узнать, сколько ехать, сколько расстояния или сколько денег?

– Яша, об чём ты так сложно? Это меркантильное существо могут интересовать только деньги. И если бы это был Малый Фонтан, то три рубля было бы достаточно. Малый – он и есть Малый.

– Ты прав, Изя, как никогда. А Большой – это Большой. Без пятёрки никак не добраться. Большое – оно всегда на расстоянии. Пять, только пять.

Беседуя как бы между собой, они по-прежнему не смотрели в мою сторону, и я не выдержал.

– Я, конечно, в Одессе первый раз, но у вас нет Среднего Фонтана?

Поворот. Обе пары глаз изумлённо воззрились на приезжего лоха.

– Изя! Ты слышал? Он говорит, что в Одессе первый раз!!!

В общем, отвезли на Большой за три. По пути говорили о бренности большого и малого, поминали раков, которые сегодня по три, а вчера по пять. Мои предки тоже не совсем Ивановы. Рыбак рыбака...

Вечером небольшой толпой ходили по Одессе. Лёва Вершинин, одессит и профессиональный историк, рассказывал буквально о каждом доме и переулке совершенно неведомые

непосвящённым повести. Такого гида не видывала ни одна туристическая компания. Раскрыв рты, мы внимали. Однако в силу молодости, приподнятого настроения и специфического чувства юмора наша ватага совершила непростительную в Одессе ошибку. К случайным прохожим мы приставали с одним и тем же вопросом: «Простите, вы Гопмана не видели?». Наш друг Вова Гопман ещё не прибыл из Москвы, и спрашивать о нём у незнакомых ни в чём не повинных прохожих нам казалось ужасно остроумным. До поры до времени, развязка наступила очень быстро. Буквально на втором квартале занимательной экскурсии Гопмана нам нашли. Правда, не Владимира Львовича, а Соломона Моисеевича, и на добрый полтинник старше, но это таки был Гопман! Пришлось присесть в одном из местных дворики (никак не отказаться, человека от дел оторвали) и выслушать несколько историй времён оккупации. Но так до конца и не поняли, периода какой мировой. Пригубив домашнего вина и распрощавшись со старцем, путешествие продолжили, но юморить больше не пытались. Нашли где похихикать – в Одессе. Быстро огребли шелбанчик.

В программе семинара среди прочих знаменитостей мелькнул Александр Абдулов, числящийся по фантастическому ведомству за прекрасные работы в «Чародеях» и «Обыкновенном чуде». Заряжал воду Алан Чумак, но быстро ретировался под ехидные вопросы и реплики натасканного на реализме жизни и чудесах литературной фантастики

зала.

Жили в общежитии, распределились по комнатам согласно фракциям, коих в те времена было две: мы – орлы и передовые мыслители, и молодогвардейцы – приспешники официального издательства «Молодая гвардия», выдающего на-гора множество серой и безликой литературной рутины. Припав чутким ухом к одной из вражеских дверей, Боря Завгородний не успел закончить фразу: «Неужели спят?», как голос Феликса Дымова из-за двери мгновенно разрушил эти мирные догадки: «Враг не дремлет!». Лёва Вершинин, в те годы школьный учитель истории, собрал своих пионеров и устроил нам кошмарное, но весёлое пробуждение на следующее утро. Вы никогда не просыпались под марширующий по коридору общаги с бодрой песней под звуки горна и барабанов пионерский отряд? Значит, вам неизвестно, что такое глас труб иерихонских. Еще через денёк мы устроили не менее весёлое пробуждение молодогвардейцам. Не поленились, долго творили фантчастушки. Все не упомнить, но один из куплетов врезался в память. Вражины как раз собирались устроить ещё один семинар (чисто свой, вражеский) под названием «Борисфен», где-то на Днепре. И на колкие упрёки в односторонности приглашённых участников совершили героический поступок – пригласили двух наших представителей, Ираклия Вахтангишвили из Тбилиси и Володю Гопмана. Однако быстро спохватились и Гопману приглашение отменили. Без объяснения причин. Да чего там объяснять

– язык и перо у Вовы бойкие, быстро вывел бы весь «Борисфен» на чистую воду. Испугались ребята. Вот мы и орали у их дверей:

– В «Борисфен» нас пригласили,

Но тропа затоптана.

Есть грузин Вахтангишвили,

Нет еврея Гопмана!

Это был первый куплетик, который в конце эпохального произведения мы повторили, но с кардинальными правками:

– В «Борисфен» нас пригласили,

Но тропа затоптана.

Есть еврей Вахтангишвили,

Нет грузина Гопмана!

В ответ гробовое молчание. Враг делал вид, что всё-таки дремлет. Но это мелочи, друзья. Хороший был кон. Одесса действительно жемчужина у моря. И останется ей всегда, несмотря на любые политические катаклизмы.

СНЕГОВ И ГАНСОВСКИЙ

Два столпа отечественной фантастики – Сергей Снегов и Север Гансовский познакомились на «Большом ФАНТане». Этот эпизод встречи двух великолепных писателей хотелось бы выделить пусть в короткую, но отдельную тему. В полутёмной комнате общаги они говорили целую ночь, а сидящие рядом на койках и скрипучих стульях фэны застыли в

благоговейном молчании. И разговор был вовсе не о фантастике и не о литературных изысках, нет. Каким-то неуловимым чутьём, как в зеркале, они мгновенно увидели друг в друге схожие судьбы узников сталинских лагерей. Каждый оттрубил больше десятка лет от звонка до звонка. И лагеря оказались рядом – соседи! Всего пара сотен вёрст, рукой подать по меркам ГУЛага. А теперь представьте себе, как люди, чьими произведениями мы зачитывались взахлёб, спокойно и буднично вспоминают расстрелы и голод, ночь, когда воры резали сук и прочие подробности обычной по тем временам лагерной жизни. Сказать, что мы были потрясены – значит, ничего не сказать. Это были две глыбы, два огромных человечика. Два талантливых и мудрых старика. Так и запомнились они вместе. Во всяком случае, тем, кто видел и слышал их в эту ночь. С тех пор при любых неприятностях вспомнишь этот пронзительный кадр, этот кусок жизни, и... нет, не то чтобы легче. Спокойней, что ли. Трудно передать. Светлая вам память, Сергей Александрович и Север Феликсович...

С ОДЕССКОГО ФАНТана БЕЖАЛИ ДВА УРКАНА

*Каждому хочется малость погреться -
Будь ты хоть хомо, хоть тля...*

(В. Высоцкий)

А чтобы хорошо погреться, иногда нужно хорошо прогнаться. Ещё один весьма показательный эпизод с одесского «Большого ФАНТана». Так и хочется продолжить в рифму: «С одесского кичмана бежали два уркана...». «Уркана» действительно было два, но бежали они не с кичмана, а из столовой, расположенной через дорогу от общежития. Именно к нему очень быстро, наперегонки, бежали начинающий писатель Елик Огнёв и горячий грузинский председатель КЛФ Гераклий Амиранишвили (имена и фамилии несколько изменены, ребята хорошие, а по молодости чего не бывает). Нет, за ними не гнались вертухаи из лагерной охраны, но каждому очень хотелось прийти к финишу первым. Секрет забега был прост – в одной из комнат общаги ждал свою пайку важный человек Виталий Пищенко, в ту пору редактор журнала «Сибирские огни» и главный начальник в областном ЦК ВЛКСМ (надо ли расшифровывать аббревиатуру?) ВТО МПФ. А вот тут, чтобы лишний раз не возвращаться к словарю фэндома, стоит расшифровать, а то несведущие причислят Пищенко к светлому лику Всесоюзного Театрального Общества. Была такая фантастическая писательская епархия, как Всесоюзное Творческое Объединение Молодых Писателей-Фантастов. И эта далеко не всегда талантливая молодежь (некоторым под сорок и за сорок) получала от власти карт-бланш на издание своих опусов. Были лучше, были хуже, но общий уровень весьма средний, чтобы не ска-

зять резче. Но о вкусах не спорят, а при условии тогдашнего голода на фантастику пипл, как говорится, хавал.

Однако вернёмся к эпохальному забегу. Виталик, как сказано выше, ждал пайку. То ли он не очень хорошо себя сбодуна чувствовал, то ли в поте лица отработывал манеру поведения «большой начальник», но Гераклий и Елик бегом несли ему полный комплект: первое, второе и, само собой, компот. Елику очень хотелось печататься (а кому не хочется?), а Гераклий готовился к переезду в Киев, и мнилось ему в мечтах место представителя ВТО МПФ на Украине. С возможностью казнить-миловать-печатать юную украинскую писательскую поросль. Практически наместник владыки, паша при султানে Виталии. Забегая вперед, надо сказать, что оба – и Елик, и Гераклий, получили желаемое. Кто-то скажет, что исключительно в силу собственных талантов. Может, и так, не буду спорить. Другое обидно – так и не выяснилось, кто стал победителем забега, уж очень они опередили толпу, медленно бредущую из столовой после плотного завтрака. Виталик, надо думать, тоже голодным не остался. Есть определенная уверенность, что проиграл тот, кто нёс компот. Беда в том, что никто не может вспомнить, кто же из них был тем эквилибристом, что не пролил ни капли при интенсивном беге рысцей, переходящей в галоп. Почему-то вспоминается прямо противоположный данному прогибу эпизод на другом конвенте. Боря Завгородний в пылу какого-то спора привёл Пищенко убийственный аргумент:

«Виталья, ну признайся честно, что ты говно. Признайся, легче ведь станет...». Круг стоящих рядом радостно загоготал. Виталья тоже вежливо похихикал, но Борину сентенцию не подтвердил. Боря, наверное, не хотел печататься и не стремился в ВТО. Боряня просто любил фантастику в себе, а не себя в фантастике. Один из организаторов «ФАНТана», ныне уважаемый писатель Лев Вершинин, впоследствии высказался о Пищенко так: «Надежный сибирский мужик, весьма посредственный писатель, но великолепный администратор...». Трудно возразить. Произведения Виталика не произвели такого впечатления, как его административные таланты. Во всяком случае, на фэндом.

А Пищенко в общем парень неплохой. Пресс-атташе был у генерала Лебедея в Приднестровье. Лихой сибирский казак, с наганом ходил, возможно, в боевых действиях участвовал. А подачу блюд расторопными официантами в назначенное место, наверное, все любят. Не каждому дано...

МНОГО ПЕСЕН НАД ВОЛГОЙ ЗВЕНЕЛО

Вниз по матушке по Волге, стор нотр мер Вольга, по нашей матери Волге...

Ося Бендер утверждал, что так должны и обязательно будут петь иностранные туристы в России. Как в волжскую воду смотрел. И не просто в Волгу времён Ильфа и Пет-

рова, а в будущее волны великой реки, омывающие волгоградскую гостиницу, принявшую на себя главный удар буйных постояльцев «Волгакона-91», крупного фантастического международного конвента начала 90-х. Немало там было лихих фэнов и фантастов со всех континентов: США, Польша, Ирландия, Болгария, Австралия, Япония и много ещё стран, городов и весей. Наших, конечно, больше. Весёлое было времечко. Официальные мероприятия почему-то не особо запомнились. Открытие-заккрытие-совещания-заседания-вручения. Было, но как-то незаметно сплыло. Попробую освежить память и вспомнить то, что забыть никак нельзя. И пели, и пили, и не только.

Где-то кто-то на каком-то этаже провел международный алкогольный конкурс. Простой и незатейливый – кто больше выпьет. Условия и сам ход конкурса помнятся плохо. В силу сути соревнования, какая уж там память после литра (двух-трёх) выпитой. Победила, кажется, Ирландия. Которая в лице победителя сказала, что если все уже не пьют, то он пошёл на танцы. И таки пошёл и танцевал. В целях установления истины должен сказать, что Миша Якубовский утверждает, якобы история эта произошла не на Волгаконе-91, а на Евроконе-89 в Кракове, и победителем был канадец, который потом пошёл в ночной клуб. Возможно, меня подводит память, что немудрено за давностью лет и количеством выпитого. Хотя сдаётся мне, этот конкурс проводился не один раз и этими конвентами не ограничился. Данное соревно-

вание лежит на поверхности затуманенного алкогольными парами сознания, а пойти потанцевать и пообщаться с женским полом нормальное желание любого подвыпившего мужика. Утром разные ходили легенды, одна из них правдивая – японец зачем-то ехал в лифте, стоя на голове. Поставили, сам? Кто уж теперь знает. Но нашли его (японца) поутру не в своём номере, а в фонтане перед гостиницей. Неработающем. Сухом. Без воды. Искал жидкость с похмелья? Купаться пошёл? Перепутал с Волгой? Кто знает, кто знает... Так и заснул он в фонтане крепким феодальным сном самурая, давно завоевавшего уголья всех соседей. Банзай, император. Спящие в фонтане приветствуют тебя. Но это ещё цветочки. Так, лёгкая икебана.

К примеру, сон Саши Сидоровича из Питера имел куда более глобальные последствия. Есть такая общечеловеческая традиция – принять ванну на сон грядущий. Даже фэны на Волгаконе были ей не чужды. Однако сон сморил принявшего перед этим на грудь тяжкий вес в граммах (скорее килограммах) Сашу раньше, чем он успел рухнуть после омовения на стандартное гостиничное ложе. Прямо в тёплой расслабляющей ванне Сидор мягко отошёл в царство Морфея. Воду, конечно, не выключал. Зачем? Тёпленькая пошла. Каким сверхъестественным образом шкодливая Сашина пятка смогла заткнуть отверстие по ватерлинии, куда должна была стекать лишняя водичка, тоже никому не ведомо. Так уж случилось. Согласно всем законам физики во-

да потихоньку начала заполнять пол, потолок в низлежащих номерах и далее по ниспадающей. Потоп, тревога по гостинице, многочисленные попытки различных контактёров наладить связь с Сидоровичем. Вербальную, невербальную, телепатическую. Культурно постукивающую в дверь. Матерно ломящуюся в номер. Замок Саша закрыл на все возможные обороты, дверь советская, крепкая, твёрдых пород дерева, литого массива. Ключ, само собой, оставил в замке, запасным не откроешь. Сейф, а не номер. Из самых ярких коридорных образов этого приключения запомнились нервные милиционеры с рацией, гостиничный плотник с колуном, слесарь с разводным ключом и жалобно скулящие под дверью фэны из номера ниже:

– Сидор, открой, ...то есть закрой, змей питерский! В стаканы же течёт... Водка разбавлена!!!

При слове «водка» из номера донеслось встревоженное уханье, дающее надежду на то, что пациент скорее жив. Но судя по всему, это был лишь безусловный рефлекс релаксирующего организма. В конце концов человеческий гений и топор победили, номер был вскрыт. В него никого, кроме милиции и представителей администрации, не пустили. А жаль. Достаточно привести лишь последнюю фразу милицейского протокола, уже наутро ставшую главным бестселлером конвента: «Тело из ванны извлечь не удалось». Как происходил данный процесс – тайна за семью милицейскими печатями. В пыточную, однако, Сидора не забрали, народ

отстоял. Ну, чего-то заплатил, что-то из общего оргвзноса пошло за ущерб. Вот вам, товарищ Архимед, вводная для новой формулы по поводу тела, погружённого в воду... Закон пятки Сидоровича, ахилессовой пяте и не снилось.

Боря Сидюк из Киева уронил в умывальник одеколон. Тот треснул. Не одеколон, умывальник. Совершенно охреневшая после потопа администрация взыскала стоимость умывальника в тройном размере. Может, потому что одеколон был «Тройной»? Самое обидное в данном случае то, что Боря был абсолютно трезв. Бывает же такое по трезвянке... Фантастика. Этот случай говорит о крепости флакона советского одеколona и о недоработках фаянсовой промышленности.

На том же волжском мероприятии пребывали двое небезызвестных фантастов-соавторов Брайдер и Чадович. Один из них в те бурные годы служил полковником милиции, а фантастику пописывал в свободное от основной работы время. И неважно, кто был полковником, Брайдер или Чадович. Важно, что другой, гражданский соавтор вышел в город за очередной порцией горячительного и на чём-то попался коллегам своего творческого напарника. На чём, никто не помнит, но не очень сильное правонарушение, не разбой и не попытка перепродажи палёной водки. Может, улицу не так переходил, может, водку не так нёс, как положено. Может, употреблял её, родимую, неприкрыто и в общественном месте. Дело явно не убойного отдела. Однако взявшему его

за жабры наряду он гордо сообщил, что является известным писателем и пишет в соавторстве с полковником милиции. Из главка, добавил на всякий пожарный. Наряд в лице двух сержантов призадумался. С одной стороны, таких писателей каждый вечер у ларьков пруд пруди, а с другой не мешает проверить информацию, чем чёрт и полковники не шутят. Да вон же он, спит, рядом, в гостинице, отпустите, ребята, я его сам разбужу... Щас, сам. Пойдём вместе, гражданин задержанный, и если сведения ложные, отвечать будете по всей строгости резинового милицейского демократизатора. А теперь представьте себе пробуждение настоящего полковника, который, узрев спросонья соавтора в сержантском окружении, радостно заорал:

– Что, сука, попался?!

С утречка заходили с Вовой Гопманом к Мише Веллеру в номер. Вчерась мы с Вовой хорошо приняли, и от дежурной по этажу (весьма симпатичной шатенки) пришлось уносить Владимира Львовича, перекинув через плечо, благо Володя лишним весом не отличался. Уютно устроившись на моём плече, этот импровизированный попугай капитана Флинта почему-то долго кричал не «Пиастры!», а «Вишенка, вишенка!». Так он называл дежурную, видимо, ассоциируя с сакурой, ведь перед этим долго пытался читать ей японские хокку. Я бы сказал – х...йку. Извиняюсь за резкость, но это как раз выражение одного из героев рассказа Веллера, который так обозвал эти японские вирши. Да и х...йку в данном слу-

чае как-то точнее. Миша принял нас хорошо, лекарство было. Критик с писателем – братья навек. Без иронии в данном случае. Действительно друзья. Миша с Вовой чирикали о каких-то своих писательско-издательских вопросах. Я тихо похмелялся, никому не мешая и особо не вникая. Но слова Миши о том, что он не верит, что будет ездить из Эстонии в Россию (он тогда жил в Таллине), оформляя визу, запомнились. Особенно вспоминаются эти слова во время нынешних пророческих вещаний г-на Веллера на телеэкране. Тоже без иронии. Миша талантливый писатель и мудрый человек, а тогда в развал Союза и отделение прибалтийских республик действительно поверить было трудно. Но эта фантастика претворилась в жизнь. К лучшему или нет – не мне судить. Отдельное спасибо за «Волгакон» главному застрельщику и организатору – Боре Завгороднему, общепризнанному фэну № 1 во Всесоюзной классификации. Вторых много. Первый всегда только один. Спасибо, Боряня! О «Волгаконе» осталась добрая память.

ДЖИНСЫ, ДЕНЬГИ И НЕМНОГО КРОВИ

Однажды молодой ставропольский автор Игорь Пидоренко очень спешил. Очень, очень сильно спешил. И немудрено – он наконец-то договорился о том, что рукопись посмотрит сам А.Н. Стругацкий – светоч отечественной и мировой фантастики. И станет ясно, фантаст ли он, Игорь Пидорен-

ко, литератор ли, или так, графоман определённого уровня. Натаныч не ошибётся. Натаныч в любом случае скажет правду, никакой сладкой лжи. Хотя, конечно, сладкая правда ещё лучше. Игорь парень не робкого десятка, всегда спокойно объяснял, где делать ударение в своей фамилии и предлагал с трёх раз угадать, как его дразнили в школе. Ну и то, что не взял псевдоним, уже характеризует его как личность твёрдую, непреклонную и незаурядную. Игорёк опаздывал. И, как молодой архар, перепрыгивал через все препятствия, встречающиеся на пути к метро, вагону, автобусу и прочим средствам передвижения. Где, какой и откуда торчащий железный штырь он на этом пути не заметил – история умалчивает. Он и сам не особо помнит. Просто почувствовал, что бежать и брать препятствия стало тяжелее. И одной из ног (в данном случае всё равно – левой или правой) стало тепло, больно и неудобно.

При ближайшем рассмотрении выяснилось – джинсы разорваны, кожа и мышцы тоже, тяжесть раны представить трудно, двигаться ещё можно. Хоть уже и не так резво. Друзья, наверняка вы приняли бы то же решение, что и Игорь. Какие, к свиньям, врачи, диагностика и скорая помощь, когда Аркадий Натаныч ждёт? Кое-как перетянув рану носовым платочком, Игорь доковылял до многоэтажки на Юго-Западе, где обитал Аркадий Натанович Стругацкий. Почти не закапав молодой авторской кровью лифт, Игорь позвонил, поздоровался, представился, засвидетельствовал своё почте-

ние, прошествовал в кабинет к А.Н.. Трепеща от благоговейного волнения, протянул рукопись.

Аркадий Натанович мельком глянул, стал задавать наводящие вопросы, обычное знакомство с подающим надежды молодым автором. Однако долго скрывать ранение Игорю не удалось, тем более что предательский платочек уже прилично пропитался красной влагой, которая начинала капать на пол рабочего кабинета Стругацкого. Всё открылось. Игорь был вынужден сказать правду – простите, железка, не заметил, напоролся, никак не мог опоздать, пол сам замою, ототру, не извольте беспокоиться. И кровь свернётся, ничего страшного, гемофилией не страдаю. Виноват, Аркадий Натанович, не велите казнить. Надо ли говорить, что разговор о рукописи был замят, отложен, свёрнут. Нашли медикаменты, рану промыли, перевязали, Игоря напоили чаем и на всякий случай коньячком. Аркадий Натанович считал коньячок вполне лечебной жидкостью. А что, и врачи вроде так считают, отнюдь не возбраняется. Хотя в таких случаях более полезно красное вино, но то ли не нашлось, то ли коньячок показался более эффективным средством. Вы как считаете?

Эта правдивая легенда на этом не заканчивается. Аркадий Натанович категорически, не слушая никаких отказных рыданий, всучил Игорю 200 руб. на новые джинсы. Было время, они так стоили. И наказал отдать деньги с первого гонорара. Джинсы Игорь купил. Ну как же, исторические штаны, на деньги Стругацкого. Всё забываю спросить у Игоря, как

быстро он отдал долг, да и взял ли Аркадий Натанович? Вот так, господа литераторы, тоже бывает. Это вам не гусиными перьями чернила разбрызгивать. Иногда на тернистом литературном пути не только пот, но и кровь проливали...

КАРАВАН, ПИНОК И МОСЬКА

*В Ленинграде-городе, у Пяти углов,
Получил по морде Саня Соколов.
Пел немзыкально, скандалил.
Ну и, значит, правильно, что дали...*

(В. Высоцкий)

Разные бывают ситуации, друзья и коллеги по любви к фантастике. Хотя почему только к фантастике? Бывало, до хрипоты спорили, что есть фантастика, а что нет, где пограничный столб и контрольно-следовая полоса, отделяющая высокую фантастику от буднично-обыденной прозы жизни. Однажды пришли к удивительному единому мнению, что нет фантастики и не фантастики, есть литература и не литература. В конце концов любое художественное произведение в той или иной мере высосано из авторского пальца с той или иной долей вольного фантастического допущения. А уж если начать дискуссию о том, фантастика или не фантастика, например, «Вий», «Шагреневая кожа» или очерки по истории

КПСС, лучше сразу застрелиться, чем медленно погибнуть от скуки в пылу столь высоконаучного спора. Но дело, друзья мои, в данном описываемом случае не в этом. Хотя к фантастике событие имеет прямое отношение, так как история произошла на ежегодном фантастическом празднике «Аэлита-90». 1990, для уточнения. В 19 веке фэнов и КЛФ ещё не было, хотя не удивлюсь, если юная поросль считает, что некоторые из наших старичков запросто бродили в юрском периоде, обсуждая «И грянул гром» Брэдбери под трубный рёв доисторических персонажей знаменитого рассказа. Однако ближе к делу, коллеги.

Начнём с того, что в 1990-ом гостей «Аэлиты» выперли из хороших гостиниц Свердловска (ныне Екатеринбург) за город. Официальная версия – слишком нас много, вместо обычных 200-300 буйных фантголов уже минимум 600, и не менее буйных. Верится с трудом. Места бронировались заранее, и найти хоть 1000 мест в уральской столице проблем не составляло. Другое дело, что зарекомендовали мы себя, мягко сказать, не очень спокойными постояльцами. Даже 200 человек неспящего народа, который бродит по номерам и коридорам, истово доказывая преимущество Стругацких или Гаррисона перед всеми авторами, издаваемыми «Молодой гвардией», уже не слёт девственниц-послушниц провинциальной епархии. А если учесть количество выпиваемых при этом горячительных напитков, становится ясно, почему проживать участники конвента «Аэлита-90» были определены

за 30 км от Свердловска на турбазу «Хрустальная». На мероприятия возили автобусами. Стоит сказать, что ни один из автобусов не пострадал. Да и неудивительно, с утра возили, когда все ещё спокойные, смирные, заторможенные.

Другое дело вечером, когда уже немало принято. Народец фэны хоть и мирный, но до тех пор, пока святое не затронут. А тут случилось. Есть такой писатель – Александр Бушков. И даже крепко так пишет, знаком с грамматикой, правилами русского языка и тем, что широким массам хавать положено. Может, у кого другой взгляд, возражать не будем – кому нравится демократия, а кому свиной хрящик. Но Бушкову уже в 21 веке на каком-то фантконгрессе (кажется, в Казани) вручили весьма оригинальный приз за максимум коммерческого успеха при минимуме творческих усилий. Хотя вопрос спорный – тут у него много конкурентов, которые могут превзойти и по максимуму, и по минимуму. Однако Александр недавно до описываемых событий 1990 г. разразился не художественным опусом, а критической статьёй под названием «Свет угасшей звезды». Не будем углубляться в дебри этого пасквиля, суть была следующая – столпы отечественной фантастики братья Стругацкие исписались. Хорошо, мол, начинали, но не оправдали ожиданий автора статьи. И живёт их, братьев Стругацких, литературное имя лишь за счет былой, давно угасшей славы. Ну что сказать. Моська, она всегда была сильна, коль нужно обляять слона, данной шавки не замечающего. Всё же басня г-на Крылова творе-

ние незавершённое. С детства хотелось, чтобы какой-то добрый очевидец происходящего пнул Моську, послужив орудием провидения для простейшего варианта возмездия – хорошего пинка в зад. Большого любая Моська недостойна – много чести. И у басни сразу появляется логически вытекающая из моськиного пустобрёхства мораль. Знать, она сильна, что и упомянул баснописец, но пинок всё же не помешает – да воздастся всем по делам их, в том числе и гавканью. Так вот, Бушков Александр не помню отчество планировал не только выступить завтра на авторском семинаре в Доме культуры (повезло, что не удалось), но и с вечера поселиться со всеми на «Хрустальной». Общаться с читателями напрямую и запросто. Ошибка одинокого бизона. Хотя задумка напрямую и запросто, надо сказать, удалась. А дело было так. Сидим с ребятами, никого не трогаем, выпиваем, беседуем, что-то обсуждаем. Распахивается дверь и чей-то крик:

– Бушков приехал!

– Что? Сюда? К нам? Он здесь?

– Ага!

Последующий за этой новостью забег Усейн Болт ни за что бы не выиграл. Тем более что в то время он ещё пешком под стол ходил на Ямайке. Прибежали. Где? Нет Бушкова. Кто, как, когда? Дали уже по морде, уехал. Стало обидно. То ли за то, что не успели, то ли неудобно стало. Где-то даже стыдно. Бушков один, нас много. Не могли на дуэль вызвать, паршивцы? Литературную, тактичную, правдору-

скую, правдоискательскую... Нет, не могли. Сами не успели. А кто дал-то? Да никто не помнит. Сильно? Мнения разнились. Так что до сих пор не могу сказать, съездили Саше по морде сильно или так, слегка мазнули интеллигентски. Лично не видел. Жаль. Но тоже придумал куда ехать, оскорбив Натанычей. Слоны-то его и не заметили. Но та самая правда жизни, на мой взгляд, всё же восторжествовала. И не в том, что Моська таки свой пинок получила. Стругацких уж нет, светлая им литературная память в веках. Бушков жив, курилка. С того времени немало воды утекло. Ну и где Бушков, а где Стругацкие... А ведь и Бушков надежды подавал – «Варяги без приглашения» хоть и ранняя вещица, да мысль прослеживалась. Куда только всё делось.

Кто-то и меня упрекнёт в том, что облаял слона Бушкова. Не буду спорить, просто повествую о том, где был, что видел и слышал. Да и крупные сомнения в слоновости у меня в этом случае присутствуют. По мне это скорее слоник на комодe, за ним (или перед ним) еще семь для полного жизненного счастья с литературной жвачкой. Да какие семь! Имя им легион... Моська, друзья, всегда будет лаять. А караван всегда будет идти. Нормальная диалектика.

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ

Ещё несколько штрихов с «Аэлиты» 90-го года на турбазе «Хрустальная». Для начала хочется привести пример вы-

сокого морального облика нашей фантастической тусовки, вернее, некоторых её особенно сознательных особей. Как-то априори считается, что практически любой кон несёт в себе недюжинную алкогольную составляющую. И первые воспоминания о том или ином конvente для большинства его участников заключаются в сакраментальной фразе: «Хороший был кон. Как же классно мы нажрались...». Да. Трудно отрицать. Но есть ведь и положительные примеры, товарищи! Возможно, вы не поверите, но дело было так. Посреди ежевечерней алкогольной вакханалии зам. председателя Всесоюзного Совета КЛФ Михаил Якубовский работал. Пахал Мишка. Работы хватало – перевыборы ВС, документация, борьба с ЦК ВЛКСМ за финансовую независимость, отстаивание интересов отдельных клубов, петиции и челобитные по разным инстанциям, городам и весям. И столько было этой пакостной рутины, что у Председателя Всесоюзного Совета А.Н. Стругацкого вместо одного Якубовского образовалось целых три зама, добавились Лёня Куриц из Николаева и москвич Лёша Керзин. Разрешите немного отвлечься по кандидатуре Керзина. Помните алкогольное состязание дамы с мужчиной из первого фильма приключенческой саги "Индиана Джонс"? Так вот, даже эта проспиртованная леди проиграла бы Лёшке с позорным счётом. Алкогольные конкурсы и на наших конах случались. Однако Лёша в них не участвовал, говорил, что это будет бесчестное состязание профессионала с любителями. Но дело даже не в количестве

выпиваемых им крепких напитков. Сказать, что он не пьянел – это неверно и слишком мягко. Лёша оставался трезвым. Как лист, как стёклышко, как юный комсомолец на безалкогольной свадьбе времён М. Горбачёва. И даже глаза у него после пары литров водочки были спокойными и пронзительно трезвыми – хоть в гляделки играй с инспектором ГАИ. На работоспособности Алексея алкоголь никак не отражался. Простите за отвлечение, друзья, но Керзин не тот самый положительный пример, о котором говорилось выше, хотя тоже весьма достойный товарищ. Вернемся к Михаилу Якубовскому, измученному нарзаном, совещаниями и документацией.

В отличие от Керзина, первый зам. председателя ВС КЛФ Миша в этот раз не пил. Не успевал. Понимаю, что поверить трудно. Но сделайте это фантастическое допущение хотя бы из любви к фантастике, тем более что так оно и было. В особом пристрастии к спиртному Мишель никогда замечен не был, но рюмочку-другую пропускал с видимым удовольствием. А тут завал, аврал, полундра, не до питья. Все равно не верите? Ну так вот вам истина в последней инстанции – собирая вещички в последний день, уже перед самым отъездом с турбазы в аэропорт, Миша обнаружил в сумке бутылку хорошего марочного коньяка. Про которую забыл. Опять не верите? Согласен, поверить трудно, никак невозможно забыть о коньяке при любом раскладе. Турбаза, со-трапезники, хорошая погода, закуска... Ну как, как можно

забыть????!! Тем более что при авральной загруженности коньячок обычно только помогает. Разгрузиться. Так и хочется сказать: Миша, ты неправ!

Форменное безобразие получается – «Аэлита» прошла, народ практически разъехался, а непочатая бутылка лежит целёхонькой. Тут надо отдать Мишке должное – он понимал, что везти бутылку домой с подобного мероприятия – святотатство. Позор на его седую кудрявую голову. Турбаза пустая, на дорожках и в домиках пугающая тишина. В полном отчаянии, с трудом протиснув голову в миниатюрную форточку, Миша во всю мощь хорошо прокуренных лёгких зарорал: «Кто хочет выпить?!!!!». Иногда только кажется, что ты остался один. Этот глас вопиющего был бы услышан не только в пустыне. Вообще трудно понять, почему люди так страдают от одиночества, заблудившись в лесу или оказавшись на необитаемом острове. Тот же Робинзон в поисках Пятницы мог бы просто громко пригласить собутыльников. И не надо считать чудом, что пустынная до этого вопля турбаза ожила. Народ бежал, спотыкался и всем своим видом показывал, что да, хочет, очень хочет выпить. Можно понять – 30 км от города, последний день, спиртное давно кончилось, а тут такой случай. Казалось, небеса услышали искренние молитвы, и святой архангел Михаил напоил истинно страждущих. Не то чтобы пятьюстами граммами пять тысяч человек, но тоже подвиг сродни библейскому. Впоследствии Миша вспоминал: хорошо, что я не шутил и коньяк действительно

был. Тут он прав. Если бы этот глас оказался шуткой, могли и стоптать. Не только с женщинами шутки бывают глупы и неприличны, как утверждал незабвенный Козьма Прутков. Но здесь восторжествовала правда жизни и милосердия. И Миша помог товарищам, и они спасли его от позора. Домой в Ростов он летел с чувством глубокого, хоть и трезвого удовлетворения. Ну чем не положительный пример?

Запомнилась также одна интересная архитектурная особенность домика, в котором мне довелось проживать с краснодарским художником Сергеем Красулевским. До тех пор и после подобного видеть не приходилось. Эксклюзивная штучка. Номер был двухместный. Это важно, друзья, был бы он одноместным, пикантности бы здорово поубавилось. Речь о санузле, или, если проще, сортире. Монтаж конструкций этого важнейшего помещения неведомыми уральскими строителями предположительно происходил следующим образом: сначала закрепили дверные петли и повесили дверь. Правильно, какой сортир без двери. Потом дверь открыли, чтобы не мешала, и посадили на хороший цементный раствор унитаза. Тоже верно, какой сортир без унитаза. Затем, очевидно, кончилась смена или другой какой приятный случай отвлек работяг на достаточно продолжительное время. Вернувшись, проверили унитаз – раствор схватился хорошо, изделие сидит крепко, работа сделана на совесть. Однако теперь нужно закрыть дверь, которая согласно односторонним дверным петлям открывалась внутрь. И закрыть ее

было никак невозможно, мешал крепко посаженный унитаз. Ну и что, переделывать, что ли? Дверь снимать, петли другие искать, опять вешать... Слишком тягомотная процедура, за переделку наряд не закроют. Да ну его на... Постояльцы не цацы, и без того дела свои сделают – унитаз в порядке, слив работает без нареканий. Всё, ребята, аллес.

А теперь представьте себе картинку утреннего кошмарного пробуждения – гордо восседающего на толчке вашего соседа, открытого всем ветрам и взглядам. Не то чтобы страшно, но и приятного, согласитесь, мало. Отнюдь не аперитив к завтраку, не способствует здоровому пищеварению. Если кто читает эти строки до вкушения пищи, простите за испорченный аппетит, но у нас с Серёжей дела обстояли не лучше. С ширмами на турбазе тоже было плохо, а книжкой, даже фантастической, всё не закроешь, прошу не принять за хвастливое преувеличение. Спасла нас только старая газетная подшивка из красного уголка. Но всё равно привыкнуть к виду голых ног на фоне крупного заголовка «Уральский рабочий» и совдеповской сортирной плитки я так и не смог. Зрелище не для слабонервных. Спасибо уральским рабочим. Вот уж действительно разруха не в клозетах, а в головах, как говорил профессор Преображенский. Такие вот уральские сказы, Бажову и не снилось. Мира и спокойствия вам в клозетах, друзья. Ну и в головах, конечно...

НА ЧТО ЛЕТЯТ МУХИ

Страшный случай однажды произошел на «Аэлите». Основные мероприятия традиционно проводились в Доме культуры автомобилистов. И сейчас, если набрать в поисковике «ДК автомобилистов Свердловск», в первую очередь на монитор вылезут наши древние рожи. То есть это сейчас древние, а тогда вполне юные гусарские физиономии. И стояли мы себе в своём гусарском кругу на площади перед ДК. В почтительном отдалении от приличного взвода молодогвардейских то ли драгун, то ли улан, то ли кирасир. Две непримиримые фракции соединялись разве что на официозных собраниях, но не для дружеских частных бесед. Стояли и стояли, каждый круг чирикал о своём – брэнном, литературном, фантастическом. Изредка поглядывая во вражескую сторону, нет ли разведки, не подтягивается ли тяжёлая бронетехника. Бдительность и рекогносцировка на местности никому ещё не мешали даже во время худого мира, не говоря о доброй войне. Только один факт нарушал это вооружённое до мозговых извилин противостояние. И факт для наших гусарских чувств весьма обидный.

Очень, очень красивая девушка стояла рядом с вражниками, смеялась их шуткам (ну откуда у молодогвардейцев смешные шутки?) и совсем не стреляла прекрасными глазами в нашу сторону. Ну очень красивая. И взгляд у нее добрый, понимающий, совсем не блондинка. Какой-то человеческий взгляд, не молодогвардейский. И взгляд этот нам

поймать никак не удавалось. Почему одним всё, другим ничего? И девушка у них лучше, и печатаются они, и властью обласканы, и вообще не чета нашим бунтарям. Эх, женщины, женщины... Как легко во все времена вы тянетесь к призрачному успеху, не замечая совсем рядом гусарской романтики. Какие уж тут алые паруса. Обидно, друзья, обидно, но что поделывать, надо принимать жизнь и дам, как они есть. Наверное, именно горькая незаслуженная обида подвигла нас на различные объяснения факта нахождения столь прекрасного существа в этой неподходящей компании с низколитературными вкусами. Победила версия Коли Блохина. Если отбросить предисловия, характеризующие молодогвардейское сообщество, мысль была примерно такова:

– Мухи летят на что? Правильно, на г...! На дерьмо они летят, товарищи!

А что, логично. Нахождение прекрасной мухи в столь дурно пахнущем окружении в свете этой теории вполне закономерно. И хотя девушка была мало похожа на муху, мы сразу успокоились. В той части теории, что определяла окружающую её среду, сомнений не было. Наш радостный гогот по этому поводу был замечен и отмечен презрительными молодогвардейскими ухмылками. Но не успели мы порадоваться точному определению, что мухи летят на всем известную субстанцию, как прекрасная незнакомка отделилась от вражеской цепи и летящим воздушным шагом направилась (полетела?) к нам, мило улыбаясь и поигрывая чудными ямоч-

ками на нежных ланитах. Мы замерли в тревожном предвкушении. И надо же было такому случиться, а? Не поверите, но так и было – она сразу, не обращая ни на кого внимания, подошла ко мне, дотронулась до локтя и невинно спросила:

– Это вы Саша из Краснодара?

Никто особо не понял, что она спросила и почему, ибо Блохин, собака, в тот самый момент, как только красавица подошла ко мне, радостно заорал:

– Нет, ну я же говорил!!! Теперь вы поняли, что это правда?!

Девушку жалко. Она испуганно хлопала ресницами и никак не могла взять в толк, почему вокруг раздался даже не хихикающий гогот, а гомерический рёв, а я вместо ответа на прямо поставленный вопрос беспомощно озираюсь и, пытаюсь перекрычать эту вакханалию, твержу:

– И на мёд!!! На мёд тоже!!!

Нет, правда. Вы же замечали, что мухи иногда летят на мёд? Подтвердите, пожалуйста. А то мне тогда так никто и не поверил.

СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНОВ

У Стругацких в «Понедельнике» диван был один. Мне памятни ещё два, вокруг которых суета тоже присутствовала. Первый стоял в редакции «Уральского следопыта», в кабинете Виталия Ивановича Бугрова, заведующего отделом

фантастики и родоначальника священного для всего фэнского сообщества ежегодного праздника. И довелось мне, друзья мои, ночевать на этом диванчике, что до сих пор считаю весьма примечательным фактом в своей биографии. Не каждому дано провести ночь в эпицентре зарождения «Аэлиты». Место слияния Вселенского Разума. Инкубатор джедаев фэндомы. Да пребудет с тобой сила лучших произведений отечественной и зарубежной фантастики... Красиво, да? Теперь о прозе жизни.

По прибытии в Свердловск на одну из «Аэлит» конца восьмидесятых я и несколько наших ребят встретились у Бугрова в редакции. Душевно пообщались, вечерело. Пора бы заселиться в гостиницу и водку в номерах пить. Звоню в «Большой Урал», извещаю о нашем желании. Частично, конечно. Желание поселиться в номера озвучил, о водке благо разумно умолчал. В двухместные и трёхместные – пожалуйста, милости просим, проинформировала дежурная постоянного двора. Одноместных нет, только завтра с утра. «Ливенцев, поехали заселяться, прописку отметим», – заорал только что прибывший Боря Завгородний. «Езжай, Боряня, езжай», – ответил я и, набравшись наглости, попросил у Виталия Ивановича приюта. До первых петухов. На столе, на полу, всё равно. Лишь бы попасть в одноместный. Ну рассудите сами, товарищи дорогие – живешь ты в двух– или, спаси господь, трёхместном номере. Встречаешь на заседании красивую блондинку. Не исключено, что симпатичную шатенку.

Прекрасную брюнетку, в конце концов. Вечером всё как положено: кабак-шампань-танцы. Мельком упоминаешь, что у тебя в номере полное собрание сочинений Желязны на русском или неизданная повесть Стругацких с дарственной надписью. Или ещё какую завлекающую ересь. Ну не кофе же попить и музыку послушать – эту пургу несут только в кино. Приходишь в номер с блондинисто-брюнетной шатенкой, а там... Завгородний. Без дарственной надписи, с початым пузырём и в широких сексуальных трусах made in Волгоградский комбинат лёгкой промышленности. Теперь вы понимаете, почему я, заблудший путник, попросил Виталия Ивановича о скромном ночлеге. Гостеприимный хозяин не только разрешил, но и нашёл какой-то плед укрыть мои озябшие без горячительных напитков тела.

– Никакого пола и стола, давайте-ка, Саша, на диванчик, – молвил добрый гений фантастики В.И. Бугров. И, уходя, попросил с утра без него свежий номер «Следопыта» не выпускать.

Народ умотал заселяться. Им действительно было пора, водка не ждёт. Побродив по кабинету и аккуратно покрутив в руках различные диковины, которые любил собирать Виталий Иванович, я прилёг. Диванчик ошарашенно вздохнул – девяносто килограмм не пёрышко лебяжье. Ручку под щёчку, ножки поджимаем, глазки закрываем, Морфея встречаем... Увы, Морфея встретить не удалось. На столе раскатиистой трелью зазвонил редакционный телефон. Может, Буг-

ров что забыл, подумал я и снял трубку.

– Ливенцев, ну ты чё, спишь, что ли? – голос Завгороднего был весел и приподнят. Не очень высоко пока приподнят, грамм на триста. – Тебе водки прислать с нарочным? Телекинезом, а... Нуль-транспортировкой. Вот так. Раз, и в глотку.

В его глотке или в телефоне действительно что-то булькнуло. Вот гады. Нет, чтобы просто пить, им ещё ближнего помучить надо. Садисты. Но я-то не мазохист. Мучиться не хотелось. Поспать бы. Вдохновенно поведав Боряне, куда и что он должен отправить телекинезом и нуль-транспортировкой себе лично и всей беззаботно бухающей братии, я бросил трубку. Ручку под щёчку, ножки поджимаем, глазки закрываем... На этот раз удалось задремать. Здравствуй, Морфуша... Не успели мы с богом сновидений распить пару кубков макового напитка в райских олимпийских кущах, как вновь забила по кумполу телефонная звонница. Я задумался. Выдернуть шнур не проблема. А вдруг всё же благодетель волнуется, не стоптала ли нечисть ночного сторожа, или руководящие указания какие. Кого с утра казнить, кого миловать до прибытия руководства. А Боряню в любом случае четвертую али ещё проще – на кол, решил я и трубку всё же взял. Кто бы сомневался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.